

Елена
Степанян

«Рассказы
о чудесах»

Елена Степанян

Рассказы о чудесах

«Теревинф»

2015

УДК 821.161.1(081) Степанян Е.
ББК 84(2=411.2)6я44

Степанян Е. Г.

Рассказы о чудесах / Е. Г. Степанян — «Теревинф», 2015

ISBN 978-5-4212-0374-2

В книгу включены произведения, затрагивающие различные эпохи и пласты мировой культуры. Объединяет их энергия религиозного чувства, мотивирующего поведение героев. В «Рассказах о чудесах» драматически переплетаются судьбы хасидского цадика, бродячего проповедника и главы Римской Католической церкви. Герои «Терджибенда», наши современники, строят свою реальную жизнь на идеалах мусульманских поэтов-суфиев. В «Мистере Гольдсмите» сочетаются мотивы романа «Векфелдский священник» с эпизодами биографии его автора, убежденного христианина-протестанта. Сюжет «Сказки о железных башмаках», традиционный для фольклора многих европейских народов, восходит к «Песне Песней» царя Соломона. Все произведения созданы на рубеже 70–80 гг. XX века, когда была исключена возможность литературных публикаций подобной тематики.

УДК 821.161.1(081) Степанян Е.

ББК 84(2=411.2)6я44

ISBN 978-5-4212-0374-2

© Степанян Е. Г., 2015

© Теревинф, 2015

Содержание

Рассказы о чудесах	5
Сцена первая	6
Сцена вторая	9
Сцена третья	12
Сцена четвертая	14
Сцена пятая	15
Сцена шестая	18
Сцена седьмая	21
Сцена восьмая	22
Сцена девятая	24
Сцена десятая	26
Сцена одиннадцатая	27
Сцена двенадцатая	28
Сцена тринадцатая	29
Сцена четырнадцатая	32
Терджибэнд	34
Сцена первая	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Елена Степанян
«Рассказы о чудесах»

Рассказы о чудесах
Пьеса-притча

Действие происходит (условно) в XVIII в.

Сцена первая

Комната. Мать мечется из угла в угол, горестно заламывая руки.

Мать. Иосиф! Иосиф! Иосиф! О где же ты, дитя мое! Где мне тебя искать?!

Рыдая, она опускается на скамью. Входит отец.

Отец. В чем дело? Что тут за шум? Что за беда стряслась?

Мать. Ужасная, ужасная беда! Пропал Иосиф!

Отец. Как это так? Куда он мог пропасть?

Мать. О, если бы я это знала! Горе мне, горе! С моим мальчиком случилась беда, а я даже не знаю, где он!

Отец. Да с чего ты взяла, что он пропал? Разве он не на занятиях у ребе?

Мать. Нет! Нет! Только что приходил шамес из синагоги и сказал, что его там нет! А ребе ждет его и не хочет без него начинать!

Отец. Ну и получайте все, чего хотели! Когда парень с самых пелён ничего не слышит, кроме похвал! Должен же он был когда-нибудь одуреть вконец! Ты же так гордилась, что у тебя сын не такой, как у прочих, а чудо света, будущий великий учитель! Словно ты для этого специально постаралась! Что ж ты теперь ревешь, что он сам себе порядки устанавливает?

Мать. Пусть все, что я заслужила, падет на мою голову! Мне все равно не будет хуже, чем сейчас! (*Рыдает.*)

Отец. Ну успокойся! Найдется же он, в конце концов!

Мать. Ох, сердце мое разрывается! Я давно уже предчувствовала этот день! (*Отец недоверчиво подымает брови. Мать продолжает, понизив голос.*) Давно уже стала я замечать, что Иосиф встает и уходит из дома, когда на небе едва только можно различить первые лучи солнца! Не знаю почему, но мне в этом чудилось что-то недоброе! О, я гнала от себя эти мысли – разве можно было заподозрить в чем-нибудь плохом моего сына, ведь он уже в тринадцать лет знал наизусть всю Гемару!

Но вчера я решила, что на этот раз... Я не знала еще, что я сделаю – пойду ли за ним или только спрошу его!.. Но дело в том, что сегодня я впервые не услышала его шагов, а под самое утро мне приснился такой сон, что когда я проснулась, я уже знала, что нас ждет беда!

Отец (*ворчливо*). Уже и ты стала видеть вещие сны!

Мать. Ох, не видеть бы мне этого никогда! Мне снилось, что все местечко горит, а по улицам носятся какие-то страшные люди, врываются в дома! Я хочу спрятать детей, но никак не могу найти Иосифа! Во сне я забыла, что он уже вырос – я искала его маленького, – но его все равно не было, не было нигде!

Входит шамес – синагогальный служака.

Шамес. Мирьям, ради всего святого, где твой сын? Ребе не начинает без своего любимого ученика! Он сидит мрачнее тучи, а все головы от страха поднять не могут! Такого еще никогда не бывало! Куда он мог подеваться?

Отец. Он, наверное, вообразил, что уже все знает! Ну конечно! Пока я тут чиню башмаки, мой сын превзошел самого ребе!

Мать. Не слушайте его, реб Янкель! Поверьте моему сердцу, – с мальчиком случилась беда! (*Бежит к дверям.*) Иосиф! Где же ты, Иосиф?!

Голос маленького брата. Иосиф на заднем дворе! Он спрятался в стог сена и плачет! И не хочет идти!

Отец. Ну, у меня быстро захочет! *(Выходит.)*

Мать. Плачет? Почему он плачет?

Отец *(тащит за собой Иосифа и бросает его на скамью).* Иди-ка сюда, мерзавец! Сейчас я с тобой разделаюсь!

Внезапно все смолкают. Входит Цаддик и делает всем знак удалиться. Несколько мгновений Иосиф закрывает лицо руками. Затем отрывает руки и поднимает голову.

Иосиф. О ребе! Не смотри на меня так! Я не могу вынести твоего взгляда!

Цаддик. Если бы ты умел видеть, Иосиф, ты прочел бы в моем взгляде только любовь и сострадание! Но на глазах твоих пелена!

Иосиф. Да! Да! Это мой грех, мой тяжкий грех застилает мне глаза!

Цаддик. Днем и ночью открыты врата, которыми возвращаются падшие и раскаявшиеся. Тот, кто прошел сквозь них, будет оправдан, какое бы зло он ни совершил!

Иосиф. О, я раскаиваюсь, я всем сердцем раскаиваюсь, ребе! Выслушай меня, помоги мне снять с души этот страшный гнет! Я не могу больше скрываться от тебя! *(Он бросает на Цаддика испытующий взгляд. Цаддик хранит мрачное молчание.)*

Ребе! С тех пор как я научился читать, ты наполнял мою душу премудростью. Но чем больше я узнавал, тем сильнее становилась во мне жажда узнать еще больше! Я с нетерпением ждал, когда же начнется самое главное! *(Иосиф снова бросает взгляд на Цаддика. Тот по-прежнему молчит.)* Я ждал, что ты начнешь учить меня творить чудеса! Но ты медлил, ребе! О, конечно, ты ведь лучше моего знаешь, когда и чему приходит срок, а я...

На кладбище, как ты знаешь, ребе, есть сарай, в котором хранятся ветхие книги и ждут своего часа, чтобы быть погребенными в земле! Там-то я и отыскал все, что мне было нужно! Так мне казалось, по крайней мере! Эта наука давалась мне легко, как и всякая другая! У меня... У меня даже получалось кое-что!.. Но мне хотелось, чтобы это было настоящее, великое чудо, а не какие-то мелкие фокусы... И вот произошло самое страшное... *(Цаддик, стоявший до этого с опущенной головой, выпрямляется и с этого момента смотрит ему в глаза.)*

Когда я понял, когда я увидел, что никакой чудотворец из меня не получился, меня охватил жуткий страх! Мне казалось, что я уже больше никогда ничего не смогу, что я забыл все, что знал прежде! О, мне и теперь страшно вспомнить об этом! В своем ничтожестве я стал ненавистен сам себе! Мне хотелось исчезнуть, не быть никогда, чтобы люди забыли самое мое имя! Я... Я чуть было не убил сам себя, но, видно, твоя молитва меня удержала! (...) О ребе, я виновен! Назначь мне любое наказание – я ко всему готов! Ведь отчаяние – тяжелейший грех.

Цаддик. Нет, дитя мое, это не грех! Это плата за грех!

Иосиф. Как... Значит то, что я посмел?.. Ребе, этого не будет никогда! Я отдаю всю свою волю тебе! С этого мига я не пошевелю рукой без твоего согласия!

Цаддик. Скажи, Иосиф, какое чудо ты хотел сотворить?

Иосиф *(опуская голову).* Я хотел низвести огонь!

Цаддик. Зачем?

Иосиф *(дрожащим голосом).* Это была самая сложная задача, которую я мог перед собой поставить! Ведь мы должны стремиться к тому, чтоб достигать все более... Ребе, почему ты так смотришь на меня? Неужели ты думаешь, что я хотел причинить кому-нибудь зло? Но кому? У меня же нет врагов! Ведь все до одного любят меня и почитают гораздо больше, чем я того заслуживаю!

Цаддик. А если они узнают, что ты никогда не станешь тем, кого они хотят видеть в тебе, как ты думаешь, сохранят ли они прежнюю любовь?

Иосиф. О горе мне! Мог ли я подумать, что буду так несчастен! Ребе, помоги мне! Ведь для тебя нет невозможного! Я хочу только одного – стать таким, каким я был вчера!

Цаддик. Но ведь ты же был таким вчера! Не обманывай себя, Иосиф! Вслед за вчера неизбежно приходит сегодня! Не в прошлое, а в будущее возвращается тот, кто раскаялся!

Иосиф. Но как же мне каяться в том, чего я даже не могу понять, ребе? Ах, сколько раз я видел, как люди со смущенной душой приходили к тебе, и ты разъяснял им их грехи и заблуждения! Неужели ты откажешь в этом мне?

Цаддик. Всю твою жизнь я учил тебя, Иосиф, – и вот, я задал тебе единственный вопрос! Ты должен ответить на него сам. *Твой* голос хочу я услышать – и тогда я укажу тебе путь к возвращению! Это последнее, чему я должен научить тебя!

Иосиф. Ребе, что ты говоришь? Ты не хочешь больше учить меня? Ты меня прогоняешь?

Цаддик. Ты сам это выбрал, Иосиф! Ты захотел стать самим собой, но заблудился и попал на кладбище. Теперь ты дрожишь от страха перед неизвестным и готов отказаться от себя, отдать свою волю другому!

Но мне дорога *твоя* душа, Иосиф, и только *твое* раскаяние может очистить ее!

Иосиф (*в ужасе*). Когда же это будет?

Цаддик. Когда этот день придет, я найду тебя даже в глубине преисподней, Иосиф!

Иосиф. О, не бросай меня, ребе, – без тебя я погибну! Ты же видишь – стоило мне отойти от тебя на шаг, и я сразу заблудился! А теперь я совсем беспомощен!

Я смотрю вокруг – и ничего не узнаю! Даже эти стены кажутся мне чужими и враждебными!

Цаддик. Ты сказал, что у тебя нет врагов! Во всем, что будет происходить перед твоими глазами, ты должен винить самого себя!

Сцена вторая

Постоялый двор в горах. Хозяева – муж и жена – сидят у огня.

Жена. Какая вьюга страшная! Послушай, как завывает! Кажется, вся округа сорвалась с места и несется невесть куда! Скажи, Авром, а дом наш не повалит?

Муж. Если б я сам его ставил, было бы чего бояться!

Но его поставил еще мой дед, – уж верно, не за тем, чтоб его повалило!

Жена. Ох, сил нету этот вой слушать! И спать лечь страшно! И за что только мы должны жить в этой глуши? Днем – тоска, а по ночам от страха сердце ноет!

Муж. За что да почему! Да потому что на всю эту местность один-единственный постоялый двор, а я – его хозяин! Продать – никто не купит, прибыли наши известные! А бросить все и уйти в долину, так посуды сама – опять придет зима, завоет вьюга, и мы будем думать, что здесь, в горах, кто-то бродит вокруг нашего покинутого дома и умирает без тепла и пищи! Нет, мне это не по вкусу! Лучше уж буду сидеть у своего очага и дожидаться своих гостей!

Жена. Нет уж, этой ночью лучше обойтись без гостей! По такой вьюге разве что нечистый дух пожалует!

Муж. Погоди-ка! Мне кажется, или и впрямь кто-то зовет?

Голос Шлоймы. Эй! Отворите! (*Стучит.*)

Жена. Ой, подожди! А вдруг и в самом деле нечистый?..

Муж. Ну нет уж! В моем доме ему делать нечего! Иду! Иду!

Шлойма (*входит, весь облепленный снегом*). Мир вам! Наконец-то до вас добрался! С раннего утра сюда иду!

Муж. Иди скорей к огню! Куда путь держишь?

Шлойма (*отряхая снег*). Да как сказать! С утра шел к вам! А передохну – пойду обратно! Муж и жена удивленно переглядываются.

Жена. Как странно! Разве ты не в Дилленбург? Здесь проходит дорога в Дилленбург!

Шлойма. Нет, туда я на этот раз не поспею! Пора уж мне домой возвращаться!

Муж и Жена (*удивленно*). А где же твой дом?

Шлойма. В Межеричах!

Муж. А где же эти Межеричи?

Шлойма. В Польше!

Жена. А где же эта?.. (*Мужмашет на нее, чтоб она замолчала.*)

Муж. Так что же тебя занесло к нам в такую вьюгу?

Шлойма. Мне сказали в местечке, там внизу, что в этих краях есть еще один дом, где живут добрые люди, и я поспешил сюда!

Муж. Для того, чтобы на нас посмотреть? Что за чудеса!

Шлойма. Да! Да! Именно чудеса! Великие чудеса! Сейчас все объясню! В Межеричах жил цаддик – великий праведник и чудотворец. А я – его ученик! Зовут меня Шлойма! Цаддик завещал мне ходить по свету и рассказывать о его чудесах!

Муж. Цаддик, говоришь? Что ж, и я слыхал, что бывали на свете цаддики, и даже показывали какие-то чудеса. Только, боюсь, что мне с этого никакого проку.

Шлойма. Вот видишь, а цаддик как раз для того и послал меня ходить из страны в страну, чтобы напомнить тебе и всем остальным, что нет ничего на свете, что было бы людям нужнее, чем чудеса.

Хозяйка ставит на стол еду для Шлоймы. Он с жадностью набрасывается на нее.

Муж. Да кто сейчас верит в чудеса?

Шлойма (*вскакивает*). Я! Я верю! И я шел сюда с самого рассвета, чтобы тебе об этом сказать!

Муж. И давно ты так бродишь?

Шлойма. Вот уже шестой год!

Муж. Да, незавидная доля! У тебя, поди, ни кола, ни двора, и родных никого нет?

Шлойма. Как же – есть! Жена и двое ребятишек!

Жена. Как? У тебя – семья? Господи! Вот уж тут поверишь во что угодно! Хорошая у них жизнь, ничего не скажешь! Как же они еще с голоду не умерли?

Шлойма (*со вздохом*). Знаешь, я и сам порой удивляюсь! А посмотреть на это с другого конца – то раз мы живы, значит, еще не все потеряно, значит, у прочих людей сердце еще не совсем в камень превратилось!

Я ведь домой всегда не с пустыми руками возвращаюсь!

Муж. А часто ли?

Шлойма. Если повезет – два раза в год!

Жена. Чем же ты провинился перед своим цаддиком, что он обрек тебя на такую страшную жизнь?

Шлойма. Ах, что ты говоришь! Он любил меня больше всех своих учеников! Мы-то видим не дальше собственного носа, а цаддик заглядывал в будущее! Кто знает, может быть, сидя на печи, я раньше бы оставил детей сиротами! А сейчас жив, как видишь! (*Помедлив*) А потом, раз он знал все наперед, то знал ведь, конечно, что кроме меня никто на это не согласится!

Жена. Смотри-ка, и ведь не ошибся! Бывает же такое!

Муж. Послушай, ну вот если ему так все про тебя было известно, мог ли он знать, что в один прекрасный день ты окажешься вот здесь, в моем доме? Про меня он что-нибудь знал? Вот такое мне бы очень понравилось! Сидишь тут, в Богом забытых горах, а кто-то, невесть где, о тебе знает! И выходит, что ты не один на свете и сидишь тут, может быть, не зазря!

Шлойма. Да ты сам посуди, что бы со мной сегодня было, если бы ты тут меня не дожидался! (...) И хоть я не знаю всякий раз, куда я попаду, с кем встречу, но я всегда вспоминаю слова, которые он больше всего любил мне говорить, мой цаддик, – что

все, что видим мы на свете:
события, люди, звезды, камни, травы,
единой нитью связаны живой!
И если убивают человека,
То где-то, на другом конце вселенной
его звезды сиянье угасает,
и канет целый мир во мрак и холод.
А люди все, что встретились нам в жизни,
есть наших душ живые отраженья,
но сами этого не понимают
и, как слепые, в зеркало глядятся!
И странствие, в которое меня
на весь мой трудный век отправил цаддик, —
одно звено в великой цепи странствий,
что совершают звезды и планеты,
народы через страны и века,
и души, странствуя из тела в тело!

И все же мне куда лучше, чем другим странникам.

Я хожу по свету из любви к моему цаддику, а кого-нибудь судьба швыряет с места на место, и он даже не спросит, за что!

Жена. Смотрите, выюга улеглась! До чего ж красиво – небо светлеет, а звезды все до одной видны!

Шлойма. Ну что ж, пора мне и домой собираться! Что ни говори, а в этот раз долго пришлось жене меня дожидаться!

Жена (*сует ему узелок*). На вот, отвези ей от меня!

Муж. И знаешь, если тебе случится когда-нибудь опять в наших краях оказаться, ты уж потрудишься, зайди к нам – мы увидим, что ты еще жив, все же на душе легче станет!

Шлойма. Ну, тогда – до встречи!

Сцена третья

Дорога. У обочины лежит Иосиф. К нему направляется монах.

Монах (*наклоняясь к нему*). Эй! Очнись! Ты жив или мертв?

Иосиф (*очнувшись*). Где я? Что со мной?

Монах. Ты лежишь на дороге в Краков! А вот что с тобой, надо бы спросить у тебя! (*Иосиф понимает, что перед ним монах, и отшатывается.*) Ты, видно, давно ничего не ел, и ноги у тебя в крови! Здесь неподалеку обитель святого Стефана, дай я помогу тебе добраться туда! Ты сможешь поесть и отдохнуть.

Иосиф. Нет-нет! Добрый человек, умоляю тебя, оставь меня одного. Мне осталось идти совсем недолго! (*Монах пытается прислонить его к дереву.*) Нет-нет! Не трогай меня, прошу! (*Вскакивает.*) Ты видишь, я уже стою на ногах!

Монах. Ну, как знаешь! (*Пожимает плечами и уходит. Иосиф снова падает на землю. Слышится стук колес и ржание лошадей. К Иосифу подходит Антонио.*)

Голос Лоренцо (*из-за сцены*). Ну, в чем там дело?

Антонио. Синьор, мы, видно, сбились с пути и попали в неизвестную страну! На этом туземце диковинная одежда и волосы как-то странно растут!

Лоренцо (*входит*). Что за ерунда! (*Наклоняется к Иосифу.*) Ну и дурак же ты, Антонио! Пять лет таскаю тебя по всему свету, а ты не можешь распознать обыкновенного еврея! Эй, малый, очнись! Ты жив?

Иосиф (*слабым голосом*). Оставьте меня, добрые люди!

Лоренцо. Ну нет, уж раз я из-за тебя вылез из кареты, ты обязательно должен сказать мне, что ты тут делаешь?

Иосиф. Жду смерти!

Лоренцо (*со смехом*). Я тоже! С самого рождения! И чтобы как-то заполнить это ожидание, путешествую по всему миру! Послушай, а не взять ли мне тебя с собой? Мне нравится твоя физиономия! И глаза у тебя чертовски умные! Или это они от голода так блестят?

Иосиф. Не делайте этого! Я страшный грешник! Я принес несчастье всем своим близким!

Лоренцо. Чем же, хотел бы я знать? Может быть, тем, что сбежал от них? Я бы, признаться, тоже очень огорчился, если бы от меня сбежал такой забавный паренек!

Иосиф. Ах, вам этого не понять!

Лоренцо (*притворно обидевшись*). Вот как! Ну что ж, вдвойне приятно познакомиться с человеком, который понимает больше твоего! Эй, Антонио, принеси этому мудрецу стакан вина и кусок мяса, может быть, подкрепившись, он поделится с нами своей премудростью!

Иосиф. Я ничего такого не ем!

Лоренцо. Ах да, совсем забыл! А хлеб ты будешь есть?

Иосиф (*замявшись*). Если уж вы так добры... может, у вас найдется...

Лоренцо. Все понятно! Антонио, нет ли у нас каких-нибудь овощей?

Антонио. Вот только эти огурцы. (*В сторону*) Какой выгодный гость к обеду. (*Иосиф начинает есть.*)

Лоренцо. Ешь, бедняга! А я выпью за твое здоровье! И за то, чтобы и мне поумнеть и понимать не меньше твоего!

Иосиф. Простите! Я не хотел вас обидеть! Просто до этой встречи мы жили в разных мирах, где из одного в другой не проникает ни звука! Я уверен, что не знаю ничего из того, что знаете вы!

Лоренцо. Зато, несомненно, знаешь многое другое! Ты парень непростой! Чем же ты занимался в этом своем «мире»?

Иосиф. Ну, как бы это сказать... учился на раввина!

Лоренцо. Так ты наверняка знаешь каббалу и всякие такие штуки? (*Иосиф делает неопределенный жест.*) Ну все! Решено! Ты едешь со мной!

Иосиф. Лучше бы этого не делать! Я приношу несчастье, я же сказал вам!

Лоренцо (*смеется*). А я, знаешь ли, человек рискованный! Я охотился на тигров и в сильные туманы ходил по альпийским перевалам! Почему бы мне не сыграть в кости с самой судьбой?

Сцена четвертая

Комната в бедном доме. Шлойма спит на лавке. У печи хозяйка.

Муж хозяйки (*входит*). Где этот бродяга?

Жена (*удивленно*). Спит!

Муж. А ну, разбуди его и пусть убирается!

Жена. Что ты! Он же так устал! Он три дня был в дороге!

Муж. А почему я знаю, правда ли это? Почему я должен верить в его рассказы!

Жена. Да как же так?

Муж. Я все сказал. Эй ты, вставай и пошел вон! (*Шлойма просыпается и удивленно смотрит на них.*)

Слышишь?! Убирайся отсюда, только сначала заплати за вчерашний ужин!

Шлойма. Что ты, добрый человек? За что ты так рассердился на меня?

Муж. Я не люблю, когда из меня делают дурака проходимцы и обманщики!

Шлойма. Я не обманщик!

Муж. Нет, обманщик! И ты, и твой жулик-цаддик! **Шлойма**. Ах, что ты говоришь!

Муж. То, что ты слышишь! Распелся тут, – чудеса, чудеса! Чудотворец из Межеричей! Я сунулся было с этим к соседу – вот, мол, какой гость ко мне забрел, подарок к празднику! А тут оказывается, что он и сам жил в этих Межеричах, да еле ноги оттуда унес!

Шлойма. Не понимаю! Что же с того? Не станет же он отрицать!.. Цаддика знала вся Польша и пол-России!

К нему губернаторы ездили за советом!

Муж. Замолчи! Это ты вчера уже рассказывал! А вот что Межеричи сгорели после погрома, почему-то не рассказал, забыл! Да на кой же он был нужен, твой цаддик, если не мог спасти местечка? Байки рассказывать? От губернаторов подарки получать? Все вы хороши, пока крыша над головой не горит, а когда придет беда, то поминай как звали! Да и вас тогда никто не вспомнит!

Шлойма. Ты думаешь, я сам не помню этого дня? Мне было всего восемь лет, но я с тех пор всегда пугаюсь запаха гари... Мать спрятала меня и сестер в погребе!.. Дома горели всю ночь, но потом местечко быстро отстроилось... Да и не погиб никто, один только человек пропал!.. Мать говорила, что если бы не цаддик, то было бы куда хуже!.. Но сам он об этом никогда мне не рассказывал.

Муж. Еще бы! Он учил тебя морочить людей, а помогать им в беде не ваша специальность!

Шлойма (*в глубокой задумчивости*). Как же это могло случиться? Такое горе страшное... Почему он не захотел?..

Муж. Ну ладно, не о чем тут больше говорить! Плати деньги и убирайся!

Жена. Да что ты делаешь, изверг! У него же в кармане три медяка! Сами вчера видели.

Шлойма. Оставь его. Он прав. Я должен расплатиться сполна. (*Отдает хозяину деньги.*) Прости меня! Я ухожу! Поверь мне только в одном – чудеса есть! И если они не происходят, то в этом виноваты мы сами, только мы! (*Уходит.*)

Сцена пятая

Кабинет Лоренцо в его римском доме. Иосиф сидит, забившись в угол дивана. Входит Лоренцо.

Лоренцо. А, вот ты где! Я уже обыскал весь дом! Ты прячешься здесь от нашего доброго патера Сальвини? Долго еще ты будешь шарахаться от него, как от зачумленного? Мне просто стыдно за тебя!

Иосиф. Но я же объяснял вам! Нам нельзя общаться с идолослужителями!

Лоренцо (*смеется*). Бедный ты мой мальчик! Какой он тебе идолослужитель? Он иезуит, а это, по моему твердому убеждению, означает, что он не верит ни в бога, ни в черта!

Иосиф. Этого не может быть! Зачем же тогда он стал священником?

Лоренцо. Нет, ты у меня просто идиот! Я к этому никогда не привыкну! Тебе легче выучить китайскую грамматику, чем научиться понимать простые житейские вещи! Ладно, я не сержусь! Все равно ты сегодня был молодцом! Оставим патера в покое! (*Входит патер Сальвини.*)

Сальвини. Напротив, я сам хочу побеспокоить вас! (*Лоренцо отвечает легким поклон, Иосиф забивается еще дальше.*) Я покинул ваших гостей, чтобы выразить свое восхищение успехами нашего юного друга, а также вашим педагогическим талантом, дорогой синьор Лоренцо! Трудно поверить, что за столь короткий срок можно приобрести такие обширные познания, да еще заговорить сразу на четырех языках! Ваш эксперимент блестяще удался!

Лоренцо (*похлопывает Иосифа по плечу*). Только с помощью этого синьора! Один ученый гебраист сказал мне, что он представляет собой феномен, который немецкие евреи называют специальным термином «а идише коп». (*К Иосифу*) Слышал такое?

Иосиф. Приходилось!

Сальвини. Ваш воспитанник чем-то огорчен?

Лоренцо. Вашим присутствием, дорогой синьор! Он вас боится!

Сальвини. О, совершенно напрасно! Я чувствую к вам самое дружеское расположение, милый Иосиф, и хотел бы принять участие в вашей дальнейшей судьбе!

Лоренцо. Боюсь, что он вам этого не позволит!

Сальвини. Сложность задачи делает ее еще интересней! Для начала я хотел бы услышать ответ на один вопрос! Никакое учение, даже самое блестящее, не может продолжаться без конца. Оно неизбежно перерастает в какую-либо деятельность. Вам приходилось уже думать в этом направлении? Какую судьбу хотели бы вы избрать?

Иосиф. Синьор, люди, которые воображают, что они сами избирают свою судьбу, глубоко заблуждаются!

Сальвини. Браво! Однако чрезмерный фатализм одних нередко побуждает других взять на себя роль их фортуны!

Лоренцо. Дорогой патер, вам не придется играть роль фортуны Иосифа по одной простой причине – он не крещен, поэтому вне стен еврейского гетто он может заниматься только торговлей! Я так его люблю, что с удовольствием открыл бы для него лавочку, но боюсь, что в этом деле он окажется еще бездарней меня, он быстро прогорит!

Сальвини. Проблема крещения серьезна, но вполне устранима!

Лоренцо. Нет, синьор, тут у нас ничего не получится!

Я уже пробовал однажды, чтобы облегчить ему жизнь, но он наотрез отказался. И он прав! С какой стати ему менять свой еврейский рай, в который он верит, на мой католический, в который я не верю?

Сальвини. Тогда ему придется довольствоваться всю жизнь ролью частного лица, это крайне обидно при его способностях!

Лоренцо. Его такая жизнь устроит, не сомневайтесь!

В этом мы с ним вполне сходимся! И вообще, нет ничего на свете омерзительней, чем честолюбие и потуги его реализовать!

Сальвини. Деятельность может быть бескорыстной!

Лоренцо. Ну, что такое бескорыстная деятельность на благо человечества, это всем известно! Она сводится к тому, чтобы при жизни о вас говорили как можно больше, а после смерти написали если не сто томов, то хоть тощенькую книжечку! Нет, нас такой гонорар не устраивает! Мы берем дороже! Только Иосиф предпочитает вечное блаженство, а я кратковременное – в этой жизни!

Сальвини. Позвольте заметить, здесь есть некоторая разница! Впрочем, мы еще вернемся к этому разговору, а я пока что вернусь к остальным гостям. *(Выходит.)*

Лоренцо. Ну всё! Теперь он от тебя не отвяжется! Это железное правило их ордена – как завидят способного парня, сразу тащат его к себе!

Иосиф. Так мне и надо! Я вполне это заслужил! Скоро ко мне явится сам дьявол и станет предлагать свою дружбу!

Лоренцо. Смеею тебя заверить, что мой старый друг Сальвини похож на дьявола не больше, чем любой другой человек! Он будет охотиться за тобой с теми же чувствами, с какими математик решает сложную задачу, не помышляя при этом о добре и зле!

Иосиф. Человек может не думать о добре и зле, но при этом все время в них соучаствовать! Этот мир устроен так, что в нем нет безразличных вещей!

Лоренцо. Но есть разные точки зрения! Я, например, считаю, что сделал добро, привезя тебя в Рим и поселив в этом доме! А ты мне неоднократно заявлял, что эта жизнь и особенно занятия науками ежечасно толкают тебя к полной гибели! Кто из нас прав?

Иосиф. Вы смотрите на это снаружи, а я вижу себя изнутри! Для вас это – невинные занятия, а для меня – источник самомнения и гордости!

Лоренцо. Но эта гордость вполне оправдана!

Иосиф. Грех ничем не может быть оправдан! Мой ребе учил, что гордость – самая худшая вещь на свете!

Лоренцо *(в сторону)*. Но ты его слушал одним ухом!

Иосиф. Вы взяли меня сюда нищим и обращаетесь, как с родным сыном! А я ловлю себя на том, что начинаю разыгрывать из себя барина, грубить вашим слугам!

Лоренцо. Они это переживут! Ты просто устаешь от занятий!

Иосиф. Какое право я имею? Я хуже всех в этом доме, в этом городе!

Лоренцо. Ого! Ты берешься сравнивать, ты, стало быть, измерил всю глубину пороков и преступлений города Рима?

Иосиф. Достаточно знать себя самого! Падение надо мерить с той точки, откуда падают!

Лоренцо. А что же ты предлагаешь?

Иосиф. Отпустите меня, и я уеду!

Лоренцо. Ты очень непоследователен, мой мальчик! Это, мне кажется, свойство всех самобичевателей! Вчера ты рвался со мною в кругосветное путешествие!

Иосиф. Я знаю, что от себя никуда не уедешь!

Лоренцо. Вот и посиди здесь! А я, пожалуй, пойду к гостям!

Слуга *(входит)*. Синьор, там пришел книготорговец!..

Лоренцо *(оживляясь)*. Зови, зови его сюда!

Торговец *(входит, кланяется)*. Синьор...

Лоренцо. Мой добрый синьор Арнольфини! Неужели мы можем поздравить друг друга с удачей?

Торговец. Да еще с какой! Старейший манускрипт трактата Петрарки «Об уединенной жизни»! Может быть, сам оригинал! В его существование отказывались верить! Но мы сделали невозможное!

Лоренцо. У меня сегодня день сплошных удач! *(Дает ему кошелек.)* Это условленное! *(Дает второй.)* А это вам за усердие!

Торговец *(низко кланяясь)*. Спасибо, синьор, вы очень добры! За ним охотился такой известный коллекционер, как граф Барберини! Вот он будет раздосадован!

Лоренцо. Напротив! Он-то и обрадуется! Эта штука предназначена ему в подарок!

Торговец. Ну, дело ваше! Разрешите откланяться, а то час уже поздний!

Лоренцо. До свиданья! Я благодарен вам от всего сердца! *(Торговец уходит.)* Вот это находка! *(К Иосифу)* Подойди-ка посмотри!

Иосиф. Вы только и делаете, что добываете подарки для этого графа! Можно подумать, вы жить без него не можете!

Лоренцо *(смеется)*. Пока еще могу! Учти, что граф умнейший, образованнейший и приятнейший человек!

Иосиф. А правду говорят, что он кого-то убил?

Лоренцо. Да что ты? Ну, если и так, то значит в самом благородном поединке! Вот завтра ты сходишь к нему в гости...

Иосиф. Я?!

Лоренцо *(небрежно)*. Да, где-нибудь часа в два, его как раз в это время дома не бывает!

Иосиф. Зачем же я пойду?!

Лоренцо. Как зачем? Отнести наш подарок! А заодно смиреннейше попросить его супругу вернуть мне – что бы мне такое вернуть – а, вот эту книжку! *(Пишет записку.)*

Иосиф. Я ничего не понимаю!

Лоренцо *(гладит его по голове)*. Охотно верю! Тебе бы скорее подошла китайская грамматика! Но и таким вещам ты научишься, будь спокоен!

Сцена шестая

В доме Лауры. Она сидит у стола с книгами и смотрит поверх них. Вокруг – произведения искусства и проч.

Входит Мария.

Лаура. Ну, что на этот раз приказал тебе мой муж?

Мария. Ах, синьора, что нового он может придумать? Все то же самое – смотреть во все глаза за вами, за парадным подъездом и за черным ходом, – и все это одновременно!

Лаура. Почему же, он мог бы надеть на меня кандалы, посадить на цепь! У нас пока еще из тюремного арсенала использованы только стены!

Мария. Будет вам, синьора! Заладили – тюрьма, тюрьма! Так ли уж плохо вам живется? Были бы вы сами другой – тогда другое дело! А вы ведь домоседка, любите книги, музыку! И нельзя сказать, что совсем ни души не видите – бывают же у графа люди, и какие! Самые умные, образованные! Ведь вы же любите беседовать с учеными людьми, а не с какими-то прощелыгами, которые от всей души могут говорить только о своих кабриолетах!

Лаура. Да! Прекрасная жизнь и, главное, очень веселая! Каждую минуту есть повод посмеяться!

Мария. Над чем, синьора?

Лаура. Как над чем? В наш век свободы и просвещения, когда не иметь любовников так же стыдно, как быть плохо одетой, – единственная женщина, которая так безнадежно отстаёт от моды, должна быть все время на подозрении, да еще оправдываться, как перед судом! За что? Наверное, за всех остальных.

Мария. А вам никогда не хочется поменяться с ними местом?

Лаура. Чего ради? Тратить силы на то, чтобы обманывать мужа, а в конце концов обмануть себя! Это очень похоже на страсть к путешествиям! Одни меняют места, другие – любовников! Сколько шума! Сколько разговоров! И все это для того, чтобы выяснить, что ровным счетом ничего не изменилось – всё те же проблемы, всё та же тоска!.. Скажи, когда я буду умирать, какая мне разница, что мне больше поможет, – вспомню ли я этот двор в окошке или все столицы мира, как наш добрый синьор Лоренцо! И с какой же стати мне поверить, что любой мужчина из тех, что вокруг, окажется на поверку лучше, чем мой муж? Он и красив, и умен, и образован, и деньги жертвует на вдов и заключенных!

Мария. Золотые слова, синьора, золотые слова! И ведь не зря он так ревнив, это же от любви идет!

Лаура. Как же, как же! Знаем мы про эту любовь! Он этим и пленил меня в свое время! Стоило только кому-нибудь посмотреть в мою сторону, как в глазах его вспыхивал этакий огонь! «Ах, как он меня любит!» – думала я. А оказалось, что это вовсе не любовь ко мне, а ненависть ко всем остальным! Он ценит старых мастеров и философию древних, а в каждом своем, так сказать, современнике видит негодяя, готового обмануть его и перебежать ему дорогу! С какой стати ему делать исключение для меня?

Мария. Ох, что вы говорите, синьора! Он жить без вас не может!

Лаура. Еще бы! Умрет со скуки! Кого он тогда станет то запирать, то отслеживать? Ведь не Платона с Аристотелем!

Мария. Он умрет, если вас лишится!

Лаура. Лежа в могиле, я не смогу это проверить!

Мария. Душа ваша в вечной жизни...

Лаура. А, в вечную жизнь хорошо верить у вас в деревне, там солнце светит и птички поют! А у нас в городе жизнь такова, что вряд ли кому-нибудь захочется, чтобы она продолжалась вечно!

Чем больше муж меня запирает, тем лучше я знаю, как его одурачить! Вот и все, чему я научилась за свою жизнь! И даже этим не хочу воспользоваться на его счастье!

Мария. Нет, это на мое счастье, синьора! Ведь граф обещался меня зарезать, если я не догляжу за вами! Страшно подумать, что тогда будет с моим сироткой!

Раздается звонок. Мария бежит за сцену. Музыка. Мария возвращается.

Мария (*давясь от смеха*). Ой, ну и умора! Вы только посмотрите! Видно, синьор Лоренцо решил вас посмешить! Там его посланный за книгами – до того потешный: стоит скобочившись, смотрит в одну сторону, говорит в другую! Просто смех!

Лаура. Пусть он войдет! (*Входит Иосиф и от смущения произносит какие-то невнятные слова.*)

Что-что? Я не слышу ничего! Ну ладно! Давай сюда! (*Берет письмо.*) Не понимаю! Зачем ему вдруг понадобилась эта книжонка? Мне это очень не нравится! Похоже, что меня кому-то показывают, а не наоборот! (*К Иосифу*) Подойди-ка! Такты и есть та самая обезьянка, которую синьор Лоренцо вывез из Польши?

Иосиф (*выпрямляясь*). Я человек, ради которого созданы!.. (*Сразу же осекается, пожимает плечами.*) Впрочем, я, наверное, вполне заслужил быть превращенным в обезьяну!.. Разрешите идти?..

Лаура. Да-да, иди! Однако, я ему очень польстила! Для обезьяны он слишком неуклюж! Ах! (*Иосиф на ходу задевает за поставец, на котором стоит маленькая скульптура, все это падает ему на голову и вдребезги разбивается.*)

Лаура (*подбегая*). Кажется, я наказана за свою злую шутку!

Иосиф (*с полу*). Не бойтесь! Я жив!

Лаура. В этом никто не сомневается!

Иосиф (*поднимаясь*). А, вот в чем дело! Эта вещь очень дорого стоит! (*Лаура стоит, схватившись за голову.*) Не расстраивайтесь так, я вам все-все возмещу!

Лаура. Безмозглый варвар! Это невозможно возместить! Твоя жизнь не стоит этой вещи!

Иосиф. Нет уж, простите. Боюсь, что это вы чего-то не понимаете. Кусок камня не может быть дороже человека.

Лаура. Кусок камня! Чему тебя учит твой синьор, если для тебя шедевры искусства – куски камня! Это Джулио Романо! Таких миниатюр во всем мире всего десять... было до сегодняшнего дня! И как это тебя угораздило! Ладно, не стой здесь, иди!

Иосиф. Я хотел бы вам чем-нибудь помочь!

Лаура. Ну чем ты можешь помочь, дурачок несчастный? Ах, мой муж с ума сойдет, когда узнает!

Иосиф. Сойдет с ума? Но этого нельзя допустить! Дайте ее мне! Мы найдем самого лучшего мастера – он склеит все кусочки и сделает из такого же мрамора точную копию!

Лаура. Нет! С ним говорить бесполезно! Ну не может, понимаешь, никак не может копия стать бессмертным шедевром великого скульптора!

Иосиф (*ласково, как с больным*). Синьора! Я уже больше года живу в этом городе, битком набитом бессмертными шедеврами и смертными людьми! И я видел множество шедевров, сделанных на заказ! Но ни вы, ни император, ни папа римский не сделаете на заказ человека! И даже с самого последнего, с самого ничтожного в ваших глазах никто не возьмется делать копию! А с этой штуки возьмутся, я вам обещаю!

Лаура. Хорошо, попробуй! Может быть, граф не сразу заметит!.. Иди, ищи ловкача, который вдохнет в камень душу великого Джулио!

Иосиф (*собирая обломки*). А давно он умер?

Лаура. В начале шестнадцатого столетия!

Иосиф. Ну, если его душа все это время помещалась здесь, – я рад, что выпустил ее на свободу! (*Уходит.*)

Сцена седьмая

Шлойма в Грузии. Шлойма и два ученых-талмудиста.

Шлойма. Нет, к этому невозможно привыкнуть. Во сне или наяву, но я попал в рай! Я бы подумал, что эти плоды из чистого золота, если бы не их дивный запах! А воздух, этот воздух! Кажется, вдохнешь – полетишь!

Старик. Дыши, дорогой, дыши! Нам для гостя воздуха не жалко!

Шлойма. И вы всегда здесь жили?

Старик. Ну конечно, не всегда. Если судить по книгам – и двух тысяч лет не будет!

Шлойма (*опасливо*). А как соседи? Они вас обижали?

Старик. Зачем нас обижать, дорогой? Ведь мы же никого не обижаем!

Шлойма. Нет, если бы я не видел этого своими глазами, я бы ни за что не поверил! (*Подходит Молодой.*)

Молодой. Опять ты чему-то не веришь! Смотри, какой недоверчивый! А мы вот сразу поверили, что твой учитель совершал чудеса, а сам ты добрый и честный человек. (*Обнимает его. К старику*) Знаешь, отец, когда мы встретились в порту, он ни за что не хотел верить, что я еврей!

Шлойма. Я и сейчас верю с трудом! Ты и все твои родные – вы такие здоровые, статные, спокойные, неторопливые, у евреев все должно быть наоборот!

Старик. Нет, у евреев все должно быть, как у нас! Это вы в Европе сами себя так изуродовали! Слишком умными быть хотели!

Молодой. Слушай, Шлойма, а что если ты останешься у нас навсегда? Ты так всем полюбился, жалко отпускать тебя опять на Север – в этот холод и голод! Оставайся! Построим тебе дом, выпишешь сюда семью! Пусть твои дети растут такими же, как наши!

Шлойма. Спасибо тебе, спасибо! Вот видишь, неправы те, кто говорит, что от хорошей жизни люди делаются безразличными к несчастьям других! Ты и твой отец так добры, и все, кого я здесь встретил, тоже!

Старик. Ну нет, кто в беде не остался добрым, тот никогда им и не был! А злой и при самой хорошей жизни будет злым, хоть ты его озолоти! Ты лучше отвечай на его вопрос – хочешь поселиться у нас?

Шлойма. Видишь ли, я странствую по свету, потому что так завещал мне мой цаддик! Но он никогда не говорил: «Ходи, Шлойма, до тех пор, пока не придешь в самое лучшее место, и там оставайся!» Значит, он имел в виду другое! А я ему обещал. Сил у меня пока много, а мест, где я не был, еще больше. Как же я могу остаться, посудите сами?

Молодой. Ну как с ним станешь спорить! Хорошо, тогда надо будет сделать так, чтобы твоя семья больше ни в чем не нуждалась! Мы соберем все, что нужно, дадим тебе хорошую лошадь...

Шлойма. Что ты, милый! Как я с ней буду управляться? Она же на следующий день от меня убежит, а я от нее еще раньше!

Молодой. Тогда возьми, сколько унесешь!

Шлойма. Понимаешь, я в этих краях первый раз, может быть, больше никогда сюда не попаду! Значит, я должен постараться найти всех людей, которым надо услышать о чудесах межерического цаддика! А как это сделаешь с тяжелой ношей?

Молодой (*разгневанно*). Ты что же, хочешь уйти ни с чем?

Шлойма. Дай мне совсем немножко! Самое главное я все равно унесу с собой – вас самих и этот сказочный край. Я верю, что те, кто хоть раз встретились в этой жизни, уже никогда не расстанутся. Когда-нибудь мы все поймем это и увидим!

Сцена восьмая

В доме Лауры. Иосиф ставит на поставец статуэтку.

Лаура. Да, придаться не к чему. А куда девались обломки?

Иосиф. Мастер оставил их себе на память.

Лаура. Да, великолепно. Так ты скоро заставишь меня поверить в чудеса.

Иосиф. Я, синьора? Ах нет, боюсь, что я могу только помешать в это поверить.

Лаура. Как же так? Ведь ты мне сам рассказывал, что твой прежний учитель был настоящий чудотворец.

Иосиф. Да, но я был плохим учеником, а черное, как известно, не пропускает света. И если я возьмусь рассказывать о чудесах, то в лучшем случае это покажется красивой сказкой. Вы, наверное, не раз замечали, синьора, что верят не словам, а тому, кто их говорит.

Лаура. Я могу поверить очень многому, Иосиф. Ведь все, что знает человек, – это вера в то, что рассказали и записали для него другие люди. А я знаю немало, синьор Лоренцо тебе это подтвердит. Но сколько бы я ни знала, ни помнила, это ничего не меняет для меня. Это было не со мной, понимаешь? Вот и выходит, что то, во что я верю, приравнивается к тому, что я знаю, но считаю вымыслом.

Говорят, в Германии какой-то мастер делает механизмы, которые нельзя отличить от живых людей.

А мне приходилось видеть людей, которые почти неотличимы от механизмов. Первое мне безразлично, второе, признаться, огорчает. Но радости – никакой.

Иосиф. Как удивительно. Ведь это очень похоже на то, что я слышал однажды от моего ребенка. Он сказал: «Для того, чтоб человек поверил в чудо, оно должно произойти не перед его глазами, а в его душе». (*Мрачно усмехается.*) Но я знаю и другое – когда чудес не происходит, то усомниться в них гораздо легче, чем поверить.

Лаура. Не перед глазами, но в душе... А помнишь, ты рассказывал, что души праведных могут соединяться с падшими душами, чтобы очистить их и поднять вверх. Неужели это может быть? Как же это происходит?

Иосиф. Я могу ответить только вашими словами – я читал об этом, но это было не со мной. Да, праведники спасают мир. Но когда человек, который об этом знает, живет наперекор всему, чему его учили, он может добиться только обратного. И я уже сумел убедиться в этом на собственном опыте.

Лаура. Но если ты так считаешь, почему же ты не хочешь исправить это?

Иосиф. Я должен это сделать. И думаю, что нашел верное средство.

Лаура. Какое же?

Иосиф (*указывая на статуэтку*). Эта штука вселила в меня надежду. Я хочу собрать уцелевшие обломки самого себя и, если удастся, восстановить прежнего Иосифа.

Лаура. Что же ты собираешься для этого предпринять?

Иосиф. Прежде всего уехать из Рима и поселиться где-нибудь в Польше или Германии, в любой общине, которая примет меня.

Лаура. Как уехать? А... а синьор Лоренцо? Он в тебе души не чает, он столько сил в тебя вложил. Подумай, как он будет огорчен. Зачем платить ему такой неблагодарностью?

Иосиф. Я не верю, что, губя свою душу, можно делать добро близким или еще кому-нибудь! Зло порождает зло!

Лаура. Но... если уж это так необходимо, зачем же обязательно уезжать? Здесь, в Риме, живут тысячи евреев, живут замкнуто, по своим законам! Чем это не выход для тебя?

Иосиф. Я думаю, что такая сомнительная личность, как я, будет плохим подарком римским евреям! Но главное даже не в этом! Я решаюсь на этот шаг потому, что мои здешние знакомства, занятия, вся жизнь, которую я веду, слишком затянули меня, въелись мне в кости! От этого не убежишь в соседний квартал!

Лаура. Вот видишь, ты сам признаешься, что привык к этой жизни! Как же ты поедешь туда, в эти страшные, нищие местечки? Синьор Лоренцо чуть не плакал, когда рассказывал о них!

Иосиф. А чем я лучше тех, кто в них живет? И так ли уж длинна наша жизнь, чтобы, испугавшись каких-то лет бедности и лишений, пожертвовать вечностью?

Лаура. Ты уже сказал синьору Лоренцо?

Иосиф. Нет, он сделает все, чтобы меня не пустить, а я этого боюсь!

Лаура. Значит, твоя решительность не так уж велика?

Иосиф. У меня давно уже все готово, я только дожидался, когда смогу вернуть вам эту вещь! (*Указывает на статуэтку.*)

Лаура подходит к поставцу со статуэткой и изо всех сил ударяет по поставцу. Статуэтка падает и разбивается.

Иосиф. Синьора, что вы сделали?

Лаура. Как, разве это не ты разбил Джулио Романо?

Иосиф. Зачем, о зачем вы это сделали?

Лаура. Тебе же ничего не стоит воскресить кусок камня! **Иосиф.** У меня нет больше денег!

Лаура. Я сама заплачу твоему мастеру! Он хорошо работает!

Сцена девятая

Кабинет Лоренцо.

Иосиф. Умоляю вас, не посылайте меня больше к синьоре Лауре!

Лоренцо (*мрачно*). Ага, синьор Иосиф вспомнил с опозданием, что, помогая ближнему соблазнять чужую жену, можно слегка повредить своей душе!

Иосиф. Дело не в моей душе, а в вашей жизни! Вы же прекрасно знаете замашки ее мужа!

Лоренцо. Тебе не о чем беспокоиться, он почти отказал мне от дома! Так что на сегодняшний день мои шансы пасть от его руки близки к нулю!

Иосиф. Так будьте ему за это благодарны!

Лоренцо. Боюсь, что так он еще вернее лишит меня жизни! Я не стану тебе это объяснять, ты все равно ничего не поймешь, я жить не могу без этой женщины!

Иосиф. Но она же чужая жена! Как вы не видите, из этого все равно добра не выйдет, даже если граф перестанет быть таким ревнивым, а она – такой сумасбродной!

Лоренцо (*оживляясь*). Смотри-ка! Ты находишь ее сумасбродной? Ты умница, мой мальчик! Я давно чувствую, что за этим безукоризненным поведением горит сущее пламя! Иначе и не может быть! Ведь мы с ней одной породы!

Иосиф (*мрачно-иронически*). Да, я это заметил!

Лоренцо. Прости меня, Иосиф! Мне жалко заставлять тебя нарушать свои принципы! Но ты знаешь, сейчас, когда я не могу попасть в этот дом, да и раньше тоже, я бываю счастлив оттого, что знаю, где она сейчас, с кем разговаривает и даже, может быть, обо мне.

А когда ты приходишь оттуда, я ищу в твоих глазах ее отражение! Я готов обожать каждого, кто с ней знаком, кто ее видел. Я и не подозревал раньше, что можно так кого-то любить!

Иосиф. Ну и любите себе на здоровье, кто же вам запрещает!

Лоренцо. То есть как это? Что ты мне предлагаешь? Дождаться встречи в загробном мире? Крепко же тебя воспитали твои евреи! Нет, дружок, мне это не подходит! У меня жизнь всего одна, и без Лауры она мне не нужна!

Иосиф. Чего бы я только ни сделал, чтобы избавить вас от этой безумной идеи!

Лоренцо. У меня нет идей, Иосиф. Ни идей, ни идиотских принципов. Говорю же тебе, что я раньше и сам не знал, что так бывает. Это чувство невыносимо! Но, ощутив его однажды, я не променяю его на какие-то годы бессмысленной жизни, сколько их там мне осталось!

Иосиф. Вы могли бы подумать обо мне! Ведь вы заставляете меня рыть вам могилу своими руками!

Входит патер Сальвини.

Сальвини. Господа, я совершенно случайно услышал обрывок вашего спора!

Лоренцо. Дорогой синьор, я вас люблю именно за склонность к таким случайностям! Без них вы не были бы самим собой!

Сальвини. Наш юный друг прав, синьор Лоренцо! Вы играете с огнем и при этом совершенно забываете, что его судьба (*кивает в сторону Иосифа*) всецело в ваших руках... Если он лишится единственного покровителя...

Лоренцо. Представьте себе, что в этом отношении я уже обо всем позаботился! И не хватало мне только вас! (*Открывает икатулку.*) Вот! Я составил завещание, по которому, в случае моей смерти, Иосиф станет полноправным хозяином всего, что мне принадлежит!

Сальвини. Ваши родственники будут вдвойне счастливы потерять и вас, и ваше состояние!

Лоренцо. Ха-ха! А вам бы хотелось уменьшить их радость ровно вдвое! Нет уж! Прошу! Поставьте здесь вашу подпись – одна у меня уже есть – и нам останется всем вместе дожидаться того момента, когда завещание вступит в силу!

Сальвини (*подписываясь*). Что вы на это скажете, синьор Иосиф?

Иосиф. Вы будете заниматься этим без меня! Я собираюсь в ближайшее время уехать в Польшу!

Лоренцо (*в сторону*). Ну конечно, так ты и поедешь! (*К Иосифу*) А сегодня? Куда ты собираешься сегодня, Иосиф? Ты видишь, как я к тебе отношусь! Если твоя душа тебе дороже меня...

Иосиф. Я пойду, пойду! Жаль, что я не умер тогда на Краковской дороге! (*Уходит.*)

Сцена десятая

Двор перед бедным домом в еврейском местечке. Шлойма и старуха.

Шлойма. Здравствуйте, матушка! Вы что же это, не узнаете меня? Я ведь Шлойма, ваш зять!

Старуха. Почему же? Узнаю!

Шлойма. Вы мне совсем не рады! И почему это так тихо на нашем дворе?

Старуха (*поворачиваясь к нему спиной*). Эй, Береле! Шлойма вернулся! (*Выходит старик.*)

Шлойма. Здравствуйте, отец!

Старик. Здравствуй! Долго же тебя не было в этот раз!

Шлойма. Так ли уж долго? Всего на месяц дольше, чем в предыдущий!

Старик. Небось в Германии расхаживал?

Шлойма. Нет, в Румынии!

Старик. А, в Румынии! Да, там победнее живут! (*Пауза.*) Ну, значит так, Шлойма! Сыновей твоих мы отправили во Львов. Там один из учеников твоего паддика академию открыл. Насилу вспомнил, кто ты есть! Все о тебе, оказывается, давно уже забыли, долго пришлось объяснять, чьи это дети! Видишь, еще и стыда за тебя натерпелось! Нуда ладно! Взяли их учиться за счет львовской общины – уже хорошо!

Шлойма. Как это так – отправить моих детей во Львов! Как можно было без меня? Как Лея это допустила? Да где же она? Почему она меня не встречает?

Старик. Ну вот! Дожили! Дождались и этого часа! Где, где! Сам что ли понять не можешь? Да я же выговорить этого не могу! Мне хоронить ее легче было!

Старуха. Ой, доченька моя! Ой, за что же тебе такая страшная жизнь выпала! Ой, наконец-то ты отмучилась! Что же ты нас горемычных с собой не взяла, зачем здесь оставила? Да разве ты думала когда-нибудь о родителях? Все о нем, все только о нем – по ночам не спит, днем глаз от дверей не отрывает. И за что ты его любила так, изверга бессердечного? Разве он тебя хоть раз в жизни пожалел?!

Старик. Замолчи! Ну, в общем так, Шлойма! Мы люди старые, самим туда пора! Нам для себя ничего не надо! Каждую копейку сбережем для твоих сыновей! А вот тебя я попрошу – если есть в тебе сострадание какое-нибудь – ты сюда больше не показывайся! Мы этого не вынесем! Считай, что у тебя здесь ничего больше нет! (*Вздыхает.*) Ты сходи, если хочешь, на кладбище!

Я положил ее в могилу моей матери, так дешевле было, чем новую рыть! А твое место я продал. Иначе не хватило бы до Львова доехать. Ну, прощай! Можешь теперь ходить по свету, сколько хочешь! И тебе и нам лучше будет!

Сцена одиннадцатая

В доме Лауры (Иосиф, Лаура).

Лаура. Я вижу, ты очень огорчен!

Иосиф (*очень сухо*). Прошу прощения, синьора!

Лаура. О, я знаю, тебе тяжело, что ты все еще в Риме!

И виновата в этом я! Поверь мне, Иосиф, я раскаиваюсь в своей выходке! В тот миг мне казалось, что тебя надо во что бы то ни стало задержать здесь! Но я клянусь, что меньше всего на свете я хочу причинить тебе зло!

Иосиф. Вы напрасно оправдываетесь передо мной, синьора! Я на вас ничуть не обижен! Ваша вещь разбилась случайно, но я собираюсь непременно вернуть ее вам! (*Пауза.*) Главное, что не дает мне уехать из Рима, – это мой синьор Лоренцо! Вам это покажется смешным, но вы не знаете, чего бы я только не отдал, если бы мог забрать его с собой!

Лаура. Нет, это не кажется мне смешным! Я очень хорошо понимаю тебя! Ты мне не веришь? Но мне самой кажется невероятным все, что я стала понимать с недавних пор! Прости меня, Иосиф, я испугалась, что больше не увижу тебя, мне было страшно расстаться с тобой навсегда! Но это уже позади! Ты свободен, ты можешь ехать! Разве я смею удерживать тебя от того, чтобы ты выполнил свое предназначение? Нет, нет!

Я слишком тебя люблю! Твоя душа мне дороже, чем мои желания!

Иосиф. Боже мой, синьора! Что вы говорите?

Лаура. Что я тебя люблю! Я люблю тебя! Ты дал мне заглянуть в иную жизнь, но только любовь дает мне войти в нее вместе с тобой! Она есть! Только любовью соединяются души! Пусть ты завтра уедешь, пусть мы видимся в последний раз, – я всюду буду с тобой! Я буду верить во все, во что ты веришь! Все, что ты знаешь, буду знать и я! Чудо совершилось, нас ничто не сможет разлучить!

Иосиф. Нет-нет, синьора! Это невозможно! Вы не должны... не имеете права меня любить!

Лаура. Что ты говоришь? Как можно не иметь на это права?

Иосиф. Но вы же... вы же знаете! Вы сами все знаете! Ведь вы замужем! А потом!.. Синьор Лоренцо!.. Он мой друг!.. Он любит вас!

Лаура. Вот как? Я замужем, а твой друг меня любит! А ты меня любишь?

Иосиф. Долг велит нам любить ближних!

Лаура. Это ложь! То, что ты говоришь, это ложь! Твой друг! Любовь к ближнему! Все это здесь ни при чем! Дело в тебе самом! В тебе самом нет любви, она не помещается в твоём сердце! Все остальное ни при чем! Да ты даже не понимаешь, что это такое! Как же ты смел! Как ты смел без любви проникнуть в чужую душу! Зачем все это было? Зачем?

Иосиф. Но я желал вам только добра!

Лаура. Лжешь, лжешь! Хотел показать, на что ты способен! Теперь увидишь, на что способна я! Ты отнял у меня и эту жизнь, и ту, о которой ты наггал! О, я отомщу! Я страшно отомщу! Мне теперь нечего терять!

Иосиф. О ужас! Что вы хотите сделать?

Лаура. Ты об этом еще узнаешь! Уходи немедленно! Я не могу видеть тебя! (*Иосиф уходит.*) Мария! Мария! Мария!!

Мария (*вбегает*). Господи, синьора, что случилось?

Лаура (*пишет записку и отдает ее Марии*). Беги, разыщи где угодно синьора Лоренцо и отдай ему это письмо! Ты слышишь? Где бы он ни был! Иначе домой не возвращайся!

Сцена двенадцатая

Кабинет Лоренцо.

Антонио. Иосиф! Иосиф! Скорее вставайте! Несчастье! Нашего синьора убили!

Иосиф (*выскакивает*). Что? Что?

Антонио. То ли он дрался на дуэли, то ли это было подстроено! Вы не знаете, по какому делу он уходил сегодня ночью?

Иосиф. Нет! Где это случилось?

Антонио. На набережной возле дворца Барберини!

Иосиф. О горе мне! Мой друг! Мой брат! Проклят я! Трижды проклят!

Голос слуги. Антонио! Помоги его перенести! (*Антонио уходит.*)

Иосиф. Почему я еще жив? Почему земля не разверзлась под моими ногами? Я погубил его! Я его убийца! О, я знал все с самого начала! Я убил его! Я убийца! (*Входит незаметно патер Сальвини.*)

Сальвини. Друг мой! Не кричите так! Ваши признания могут быть услышаны.

Иосиф. Мне нечего скрывать! Я был бы рад, если бы меня казнили. Я не хочу больше жить!

Сальвини. Тогда мне есть чем вас обрадовать! Можете не сомневаться, что пока мы с вами беседуем, родственники вашего покойного друга затеяли или вот-вот затеют судебный процесс против вас. То, что вы были посредником между вашим благодетелем и синьорой Лаурой, ни для кого не секрет. Ее мужу вы тоже придется очень кстати в качестве виновника его преступления. Вас обвинят в убийстве с целью получения наследства (*постукивает по шкатулке*) и в соответствии с законом казнят.

Иосиф. Я это заслужил! Пусть моя вина падет мне на голову.

Сальвини. Безумный! Ты упиваешься своей так называемой виной и, как все безумцы, видишь в целом мире одного себя! Едва по городу пройдет слух о том, что еврей стал причиной гибели католика, вся злоба, что накопилась во всех закоулках Рима, падет на еврейское гетто! Ты хочешь стать повинным и в этой крови?

Иосиф. Нет! Нет! Лучше покончить с собой! Только это мне осталось, чтобы до конца погубить свою душу!

Сальвини. Ты ничего этим не изменишь. Это будет расценено, как признание своей вины. Они решат, что ты испугался суда и казни.

Иосиф (*после некоторого раздумья*). Вы к чему-то клоните! Говорите скорее!

Сальвини. У тебя есть единственный выход: креститься и вступить в наш орден. Тогда тебя пальцем никто не тронет. Наследники Лоренцо не посмеют судиться с орденом.

Иосиф. Они получают все без суда! Я уничтожу завещание.

Если я продаю душу дьяволу, я не обязан приплачивать.

Иосиф возится со шкатулкой, пытаясь открыть ее ключом.

Сальвини (*усмехаясь*). Один мудрец говаривал, что дьявол – это собака, которая гонится за человеком, пока он не вернется домой. Но я, признаться, и сам боюсь собак.

Иосиф. Вот оно! (*Достает завещание и рвет его на клочки.*)

Сальвини. Вот первый смелый шаг на новом пути! Я пожалел бы об этих деньгах, если бы ты не стоил во сто крат дороже.

Сцена тринадцатая

Поле. Вдали лес. Крестьяне сидят у костра.

Женский голос (*поет*).

Заходит солнце, меркнет небо голубое,
Заходит солнце, наступает черный час!
Не плачь, любимый, до рассвета я с тобою,
А утром солнце навсегда взойдет для нас!
Заходит солнце, оставляя нас в печали,
Тревожит сердце убывающим лучом,
Не плачь, любимый, я с тобою, как в начале,
Ты на рассвете меня не спросишь ни о чем!

Входит Шлойма – глубокий старик.

Шлойма. Мир вам, добрые люди, пустите старика к огню погреться!

Первый. Садись, конечно, дедушка! Ты ведь еще и голоден, наверное! Сейчас мы тебя накормим! (*Голоса:*

Вот сюда иди! Давай двигайся!) Далеко ль путь держишь?

Шлойма. Далеко, детки! На север, в город Амстердам!

Второй. Ух ты! Да это же через весь мир!

Шлойма. Да! Я вот думал, что уже весь мир обошел, а там, оказывается, ни разу не был!

Первый. А что у тебя за дела в этом Амстердаме?

Шлойма. Да никаких дел нет! Наоборот, хочу там все свои дела и закончить! Прослышал я, что кто-то открыл в Амстердаме «Приют для вечных странников». Ну, Шлойма, сказал я себе, это как раз для нас с тобой! Дойдем туда, а там уж станем дожидаться совсем других странствий!

Второй. Дедушка! Тебе вовсе незачем так далеко ходить! У нас тут в двух шагах – вон дойти по дороге до этого леса, а там направо повернуть – точно такая же обитель, так же называется. Говорят, их кто-то сейчас по всему миру строит, а кто – никому не известно. Только наша самой первой построена, нам недавно один путешественник рассказывал, специально сюда приезжал посмотреть. Ты сходи туда – там и приют, и больница, и сиротский дом – всех принимают, ни о чем не спрашивают! Зачем тебе плестись в Амстердам?

Шлойма. Да как сказать, детки! Я ведь уже сорок лет по свету брожу! Силы мои на исходе, но, думаю, на полгода – год еще хватит. Хожу-то я неспроста, всякий раз жду – вдруг кто-нибудь повстречается, кому я нужен! Они-то меня не ждут, не ищут – сам я их нахожу! Вот и боюсь я остановиться раньше времени, вдруг кого-нибудь пропущу!

Первый. Чудно ты, дедушка, говоришь! Понять тебя трудно! Видно, в долгих странствиях так научился.

А где же они начались? Откуда ты родом?

Шлойма. Родом я польский еврей! Странствия свои начал из Польши!

Второй. Подожди-ка, а ведь тот путешественник тоже поминал какого-то польского еврея! И еще городишко с таким трудным названием... – Межеричи!

Шлойма. Там я и родился!

Второй. Ну и ну! Ты послушай только, что он рассказывал! Пришел он в «Приют для вечных странников», а его отвели к одному очень важному человеку – кто такой, ему не ска-

зали, но видно было, что очень важный – так все с ним почтительно обращались! И вот этот барин у него и спросил, не слыхал ли он, путешествуя по свету, каких-нибудь рассказов про межерического цаддика! А если впредь услышит, то пусть пошлет того, кто рассказывает, сюда, в этот «Приют» – ему, мол, здесь за каждое слово по золотому заплатят!

Шлойма (*вскакивает*). Нет, видно, путь мой еще не кончен, если кто-то сам меня разыскивает! Видно, уж очень я ему нужен, пойду к нему поскорее!

Второй. Дедушка, да никак ты и есть тот самый межерический цаддик?!

Шлойма. Знаешь, сынок, я уже столько лет им живу, что мне самому частенько кажется, что он – это я, а я – это он!

Простая комната. Иосиф в черной рясе за маленьким столом. Входит Шлойма в сопровождении слуг и других монахов.

Шлойма. Где же он, ваш барин?

Слуга. Тише ты! Он перед тобой! Подойди, поклонись. (*Шлойма идет к Иосифу.*)

Иосиф. Скажи, ты сам был учеником цаддика или рассказываешь истории, слышанные от кого-то?

Шлойма. Что вы, сударь, я был его любимым учеником. Все думали, что он сделает меня своим наследником!

Иосиф. А что же он?

Шлойма. Он так и сделал. Но только так, что никто из чужих этого не заметил, да я и сам не сразу догадался – он завещал мне самое главное: чудеса! А дом и должность остались другим!

Иосиф. А когда это было?

Шлойма. Без малого сорок лет назад!

Иосиф. Ты устал с дороги, и платье твое сильно изношено. Нам не пристало слушать тебя, пока мы не сделаем тебе то небольшое, что в наших силах. Отдохни, смени одежду, а завтра я выслушаю тебя.

Шлойма. Как вам будет угодно, сударь!

После этих слов гаснет свет, освещен только Иосиф, сидящий в кресле – как если бы он «всю ночь не спал и дожидался рассказа Шлоймы». Несколько секунд той же музыки, что перед расставанием цаддика и Иосифа во второй сцене – «Им йошув».

Когда свет загорается – на сцене Шлойма, понуренный, и Иосиф. Оба сидят.

Иосиф. Почему же ты молчишь?

Шлойма. Я не знаю! У меня словно всю память отшибло! Ничего вспомнить не могу!

Иосиф. С тобой так бывало раньше?

Шлойма. Ни разу! Никогда! Ведь я только для того и жил всю жизнь, чтобы рассказывать о цаддике!

Иосиф. Как звали твоего отца?

Шлойма. Янкель! Он был шамесом в синагоге в Межеричах! Вы что, не верите мне? Я не самозванец, я действительно ученик цаддика!

Иосиф. Я верю тебе. Я знаю, что ты ученик цаддика.

Не бойся меня. Ты просто очень устал за все эти годы! Поживи здесь, может быть через неделю к тебе вернется память!

Шлойма сидит, обхватив руками голову. Входит слуга.

Слуга. Ну как? Вспомнил что-нибудь?

Шлойма (*мотает головой*). Ничего!

Слуга. Так-таки ничего? Ох, бедняга. Жалко смотреть, как ты тут мучаешься. Послушай, а может, ты и в самом деле, а? *(Делает неопределенный жест.)* Мало ли что в жизни бывает! И не на такое люди идут! При твоей-то бедности можно было польститься! *(Шлойма тяжело вздыхает.)* Чем так мучиться, ты бы пошел к нему и признался!..

Шлойма. Да говорю же тебе! Я не обманщик!

Слуга. Ты его не бойся! Он непременно тебя простит! Такого еще случая не было, чтобы он не простил – он самых лютых разбойников от смертной казни спасал и из тюрьмы выкупал! Эх, знал бы ты, чей ты гость, да говорить тебе не велено!

Шлойма *(про себя).* Что же делать?! Что же делать?! *(Входит служанка.)*

Служанка. Вы бы съели что-нибудь, сударь! Так ведь ноги протянуть недолго!

Шлойма. Не надо мне ничего! *(Входит Иосиф. Слуги сразу же низко кланяются. Слуга теревит Шлойму, чтобы он тоже встал. Иосиф останавливает его.)*

Иосиф. Можешь ли ты что-нибудь мне рассказать?

Шлойма. Нет! Я не могу вспомнить ни слова! Все, все забыл!

Иосиф *(в сторону).* Что ж делать? Что ему мешает?

Шлойма. Простите меня! Я чувствую, что вам очень нужен мой рассказ! Но, видно, конец мне пришел! Поздно мы с вами встретились!

Иосиф. Этого не может быть! Ты должен все вспомнить! Только оставайся здесь и не беспокойся ни о чем!

Шлойма. Как же мне не беспокоиться? Память у меня всю жизнь была, как стеклышко! И вдруг такое дело! *(Пауза.)*

Иосиф. Скажи, ты никогда не пробовал разыскать своих детей?

Шлойма. Зачем? Для людей, к которым я захожу на один вечер, я – межерический цаддик! Но вряд ли кому-то захочется иметь отцом бездомного нищего!

Иосиф. Ты и сам себя считаешь всего лишь бездомным нищим?

Шлойма. Между тем, кто мы на самом деле, и тем, что мы в глазах людей, лежит огромная пропасть. Вы, наверное, знаете это не хуже меня!

Свет гаснет. Затем освещает одного Шлойму.

Шлойма. Надо решаться!.. Больше так тянуть нельзя! *(Снимает верхнюю одежду, надевает свой рваный лапсердак и уходит.)*

Сцена четырнадцатая

Иосиф стоит у стола. Вбегает слуга.

Слуга (*запыхавшись*). Все уже обыскали! Нигде не могут его найти! Прикажете послать в погоню?

Иосиф. Нет! (*Запирает шкаф, берет в руки папку.*) Я сам пойду за ним!

Слуга (*испуганно*). Вы? Как можно, ваше!..

Иосиф. Никому ни слова! Для всех – я занят в этом кабинете. Если я не вернусь...

Слуга. Как? Как не вернетесь? Вы уходите надолго, без сопровождающих, безо всего?..

Иосиф. Если я не вернусь – все бумаги в этом ящике!

Иосиф идет по дороге, затем, обессиленный, опускается на землю. В этот миг появляется Шлойма.

Иосиф. Это ты? Ты возвращаешься?

Шлойма. Я все вспомнил!

Иосиф. Так говори же! Я не могу больше ждать!

Шлойма. Однажды ночью межерический цаддик поднялся и сказал своему слуге: «Мыкита, запрягай лошадей! Мы едем в Рим!» Вот приезжают они в Рим! Куда направиться еврейскому цаддику, пусть и самому прославленному? Конечно же, в гетто, в дом другого такого же бедного еврея!

Цаддик входит в комнату. Ему кланяются бедно одетые люди. Среди них – маленький мальчик.

Цаддик (*к мальчику*). Ты ведь знаешь все проходные дворы в этом городе и можешь перелезть через любой забор?

Мальчик. Конечно могу, ребе!

Цаддик. Тогда беги на главную площадь! Ты увидишь, что ворота большого дворца открыты и перед ними стоит стража, но стража тебя не увидит! Ты пойдешь наверх и увидишь зал, в котором собралось множество людей, одетых в красное! Подойди к тому из них, кто будет стоять в самом центре, и скажи: «Приехал цаддик из Межеричей и ждет тебя!»

Группа людей, одетых в красное. В центре стоит Иосиф.

Мальчик. Господин! Цаддик велел сказать, что он ждет вас!

Иосиф. Передай ему, что я приду сегодня вечером! **Цаддик**. Вечером будет поздно!

Мальчик. Он велит передать, что вечером будет поздно!

Иосиф. Хорошо, я приду через час!

Цаддик. Через час будет поздно!

Мальчик. Господин, и через час будет поздно! Пойдемте скорее, ведь это же сам межерический цаддик!

Иосиф входит и опускается на колени.

Цаддик. Подыми голову, Иосиф! Я хочу видеть твое лицо!

Иосиф. Ребе! Я пришел выслушать свой приговор!

Цаддик. Разве ты мало наказан, Иосиф?

Иосиф. О, никто не знает этого так, как я! Что может быть страшнее для грешной души, чем получить все, к чему она стремилась! Я хотел возвыситься над людьми – вот, я стою выше всех! Я хотел славы – чья же слава сравнится с моей? И при этом я воображал себя праведником

– ну что ж, и они считают меня праведником, восхваляют мою святость, становятся передо мной на колени!

Ребе, ты учил меня когда-то, что душа не один раз приходит в этот мир! О, если бы я мог тысячу раз родиться червем, чтобы меня топтали ногами! Это последняя милость, о которой я прошу!

Цаддик. Я пришел сказать тебе, Иосиф, что с этого дня начинается твое возвращение.

Иосиф. Это невозможно, ребе! Было время, когда мне казалось, что весь мир существует только для того, чтобы я стал в нем лучшим из лучших! Но теперь... Если я даже попытаюсь бежать с того места, куда завела меня гордость, это сразу же отзовется на всех, кто связан со мной. Не знаю, скольких я тогда погублю! Но я не стану платить такой ценой даже за спасение собственной души!

Цаддик. Вот, я нашел тебя на другом конце земли в назначенный день и час, а ты не веришь мне, Иосиф!

Иосиф. Я знаю, ребе, ты можешь совершить чудо! Но такие, как я, не заслуживают чудес!

Цаддик. Только любовь творит чудеса, Иосиф, а любовь не спрашивает о заслугах! Чем заслужил ты мудрость, дарованную тебе с самого рождения?

Иосиф. О, ребе, ничем не заслужил! Но ты же видишь, как я распорядился ею – другим я делал зло, себя привел к гибели!

Цаддик. И все же она дарована тебе! А теперь к ней прибавляется огромная власть и богатство!

Дай я сниму пелену с твоих глаз, Иосиф, и ты увидишь, что ты неотторжим от этого мира, который смотрит на тебя! Ты часть его, но и он, этот мир, – часть тебя самого! Ты не можешь порвать эту связь, даже приговаривая себя к гибели, потому что нет такой силы, которая могла бы превозмочь любовь! Только любовью можешь ты искупить все, в чем раскаивается твое сердце! Только любовью должен ты заплатить за все, что дано тебе, вопреки твоим делам! Щедрость и милосердие явлены тебе сверх меры – для того, чтобы ты поделил их со всем миром!

Вот путь, которым предстоит тебе идти! И однажды ты увидишь, что даже зло, содеянное тобой, изгладилось и легло в подножие добра!

Иосиф. О, ребе, как же я смогу об этом узнать?

Цаддик. В тот день к тебе придет мой ученик и перескажет все эти слова!

1979 г.

Терджибенд

Драматическая повесть

Действие происходит в Баку в 70-е гг.

Терджибенд – поэтическая форма, употребительная в суфийской литературе. В терджибенды объединяются отдельные стихотворения с одинаковым рефреном.

Низами – знаменитый персидский поэт XII века, родился в Азербайджане. Ему принадлежит наиболее известная из многочисленных поэм на тему «Лейли и Меджнун». В системе символов суфийской поэзии и философии любовь Меджнуна к Лейли есть образ извечного стремления человеческой души к ее источнику и создателю.

Насими – азербайджанский поэт XIV века. Принадлежал к позднему направлению суфизма, так называемому хуруфизму. Одна из основных идей хуруфитов состоит в том, что каждый человек равен всему мирозданию в целом. Любовь является главной целью и смыслом миротворения. Насими родился в Шемахе; предан мученической казни в сирийском городе Алеппо по обвинению в религиозной ереси.

Саги (*перс.*) – виночерпий, кравчий.

Сцена первая

Широкая пустая улица. Девушка (*Гюля*) медленно идет по тротуару. В узком просвете между домами видно море. Гюля засматривается на него, потом, спохватившись, быстрым шагом продолжает свой путь, сворачивает на другую улицу.

Множество народа выходит из дверей огромного учреждения. Один из них (*Эльдар*), словно не замечая никого, задумчиво улыбается, обегает взглядом улицу с небом, домами, фруктовыми ларьками; взгляд его падает на уличные часы, он хмурится и ускоряет шаг.

Комната в обычной квартире. Две женщины чистят зелень в огромном тазу.

Гюля и Эльдар подходят к дому с противоположных концов. Он машет ей рукой. Она бежит ему навстречу.

Та же комната. Женщины (*Марьям и соседка*) чистят зелень.

Марьям. Всю свою жизнь! За всю свою жизнь мы с Ибрагимом одного дня для себя не жили! Все для детей! Только для детей! Вот теперь за это получаем!

Соседка (*со вздохом*). Не вы одни!

Марьям. Я же его не попрекаю! Мне ведь для себя ничего не надо! Но когда ты берешь свою жизнь – и вот так ломаешь, как игрушку, – ты понимать должен, что ты не на пустом месте родился! У тебя отец есть? Мать есть? Они могут не переживать?!

Соседка. Если он о своем ребенке не думает!

Марьям. Ты мне об этом не говори! Я с ума схожу, когда вспоминаю! Я же этого ребенка больше не увижу!

Соседка. А ты при чем? Ты, что ли, виновата?

Марьям. А совесть у меня есть? С каким лицом я туда явлюсь? Они такие люди! Столько для нас сделали! А мы, пожалуйста, – вот чем отплатили!

Соседка. Ну ладно, ладно! Ничего такого не случилось! Муж с женой – да! Как поссорились, так и помирятся!

Марьям (*кричит*). Я тебе говорю, они не ссорились! Они в жизни не ссорились! Он пришел тихо-спокойно, говорит: «Мы с Арифой решили расстаться. Можно я пока здесь поживу?» Надо было сказать – нельзя!

У тебя дом есть – иди туда! А у меня язык отнялся! Потому что я его характер знаю! Он просто так болтать не станет. Он сто раз про себя решит, только потом скажет! И Ибрагим это прекрасно знает, у них в семье все такие! И мы в жизни не заставим его вернуться, и все эти скандалы ничего не дадут!

Соседка. Себя только угробите!

Марьям. А! Он нас и так уже угробил!

Вся зелень почищена. Соседка кладет нож, встает, подходит к окну. Через двор идут Гюля и Эльдар.

Соседка. Ладно, я пошла! Вон твои дети с работы идут!

Марьям (*мрачно*). Да, прекрасные у меня дети!

Соседка (*прикрикивает на нее*). Ну перестань! Гюля что тебе сделала?

Марьям (*швыряя нож в таз с зеленью*). Эта Гюля в тысячу раз хуже своего брата! (*Соседка уходит.*)

Гюля (*заглядывая в комнату*). Ма-ам, привет!

Эльдар. Здравствуй, мама!

Марьям (*не глядя на них*). Пойду обед греть. (*Выходит.*)

Эльдар (*озираясь*). Ты не знаешь случайно, куда она засунула мой чемодан?

Гюля. Знаю! (*Она идет в другую, меньшую комнату; он идет следом за ней. Поля вытаскивает чемодан из-под кровати.*) Может, все-таки не стоит?

Эльдар. Ты же видишь, как я их довожу!

Гюля. Атак они еще больше будут психовать! Они же не могут о тебе не думать!

Эльдар (*трогает ее за плечо*). И все на твою бедную голову? (*Отходит к книжной полке, проводит пальцем по корешкам медицинских учебников.*) Гюля! У вас был такой профессор Аббасов?

Гюля. Конечно, был!

Эльдар (*глядя в окно*). А что он из себя представляет?

Гюля (*пожимает плечами*). Нормальный дяденька! Звезд с неба не хватает, а так – вполне! А что?

Эльдар. Да ничего! Просто я сейчас встретил его младшего брата!

Гюля. У него ведь два младших брата! И еще сестра есть – самая младшая! (*Эльдар кивает.*) А ты их откуда знаешь?

Эльдар. Случайно! Она была на практике в нашем институте!

Гюля. Ее Лейла зовут, да? Я ее видела как-то раз – мне ее показывали специально! Красоты она была необыкновенной! Она и сейчас такая?

Эльдар (*начинает бросать вещи в чемодан*). Не знаю, я в этом не разбираюсь!

Открывается входная дверь. Входит отец – Ибрагим.

Бросает на стул портфель. «Это я!» – в сторону кухни. Входит в большую комнату, видит через открытую дверь сборы Эльдара.

Ибрагим. Как это надо понимать?

Эльдар (*выходя к нему*). Папа, я снял комнату и сегодня же туда переезжаю.

Ибрагим. Далеко?

Эльдар. На Байлове!

Ибрагим. Хорошо, хорошо! (*Поворачивается к Поле.*)

Когда ты завтра кончаешь работу?

Гюля. В четыре!

Ибрагим. Вот, чтоб в половине пятого ты была дома!

Гюля. Папа, я сегодня дома!

Ибрагим. И завтра, и послезавтра! Я тебе запрещаю куда-нибудь ходить, кроме работы!

Гюля. Папа, ты с ума сошел?

Марьям (*кричит*). Ты как с отцом разговариваешь, дрянь такая! Мерзавка!

Гюля (*идет в другую комнату*). Вы, кажется, хотите, чтобы я тоже комнату сняла? Я могу это сделать!

Марьям. Только попробуй, ты увидишь, что тогда будет!!

Гюля захлопывает дверь. Мать пытается ее открыть.

Ибрагим хватается за руку.

Ибрагим. Бога ради, пойді на кухню! Мы сейчас все успокоимся и будем обедать!

Эльдар закрывает свой чемодан.

Ибрагим. Между прочим, она сейчас ни в чем не виновата! Это все из-за тебя!

Эльдар. Я прекрасно знаю, что все из-за меня! Если бы я сразу нашел комнату, я бы вам здесь глаза не мозолил!

Ибрагим. Эльдарка! Давай мы с тобой знаешь что сделаем? Возьмем эти вещи, поймем такси и поедem к тебе домой!

Эльдар. Папа, мы, кажется, вчера решили – больше об этом не говорить!

Ибрагим. Как я могу об этом не говорить? Ты мой сын, ты бросил жену и ребенка! Что изменилось со вчерашнего дня?

Эльдар. Папа, я тысячу раз тебе уже сказал! Мне тоже очень тяжело, и очень больно! И стыдно очень – ты понимаешь или нет?! Но это все равно не смертельно! От этого никто не умрет, я тебе клянусь! А потом – сейчас не старое время! Все разводятся!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.